

ХОРОШАЯ ДЕВУШКА

*Снег падает с неба и может себе позволить быть чистым.
Если бы он летел снизу вверх, он был бы окрашен грязью и кровью.*

Агун Штейнзальц отвечает на вопросы Михаила Горелика

- Зима шестьдесят седьмого - шестьдесят восьмого годов выдалась в Иерусалиме на редкость снежной. И нанесла экономике ущерб более серьезный, чем Шестидневная война. Во всяком случае, во время войны не было перебоев с подачей воды и электроэнергии. В России деревья приспособлены держать снег, в Израиле - нет. Деревья не выдерживают одновременного воздействия ветра и снега: ломаются, падают. Одно такое дерево упало на машину тогдашнего иерусалимского мэра Тедди Колека и разбило ее.

- Вы полагаете, это была злонамеренная акция - дерево действовало, как шахид?

- Учитывая крайне низкую вероятность события, ваша версия достойна рассмотрения. Когда я впервые попал в Россию, я много общался с одним академиком. Мы беседовали с ним о разных вещах, я объяснял ему законы субботы.

- Он был еврей?

- Нет, но, в отличие от многих евреев, ему было интересно. Ученым свойственно обыкновенно интеллектуальное любопытство. Он прекрасно эту тему освоил и, встречаясь потом с израильтянами, хорошо понимал, какие именно законы они нарушают и в чем именно. Я помню, мы обсуждали с ним, что значит по-русски «завтра».

- Ну и как, выяснили?

- Я рассказал ему такую историю. Однажды в Египет приехал один аргентинец - у него там были какие-то дела. И каждый раз, когда он задавал вопрос «когда?», ему отвечали «букра». Наконец он спросил: «Я все время слышу: «букра» да «букра», что это, в конце концов, значит?» И ему ответили: ««Букра» - это «маньяна», но только не так быстро». «Завтра» похоже на «букра», но только еще медленней. В Израиле в таких случаях говорят: «После праздников». Не волнуйтесь, все будет сделано в лучшем виде. Когда? А после праздников. Моему собеседнику эта идиома пришлась по вкусу, и он тоже в соответствующих обстоятельствах стал пускать ее в ход.

- Это имеет отношение к снегу?

- Да, определенным образом. Дело в том, что значительную часть зимы я провел тогда в Москве, и снега не было. Я уверял своего московского друга, что мое пребывание в Москве несовместимо со снегом.

- Он поверил?

- Он был человек науки и привык считаться с фактами. Я уезжал - начинал идти снег, я приезжал - снегопад тотчас кончался. Эксперимент был вполне воспроизводим.

- В Библии снег всегда используется как поэтическая метафора: в Торе, в псалмах, в книге Иова, у пророка Исаяи. Есть, правда, одно упоминание в Маккавейских книгах, где о снеге говорится в чисто бытовом, техническом ключе. Снег мешал эллинистическому полководцу Трифону проводить операцию против еврейских повстанцев.

- Вы все-таки не совсем правы. Один эпизод я вам сразу приведу. Речь идет о некоем бойце Давида, который «убил льва во рву в снежный день». С другой стороны, единичность упоминаний о снеге понятна: это крайне редкое явление, ну бывает в Иерусалиме раз за зиму, ну на Хермоне лежит, а во многих местах его вообще никогда не видят. Например, в Тель-Авиве. За всю мою жизнь, может быть, однажды в Тель-Авиве снег выпал. Это было грандиозное событие.

- В эту зиму после снегопада в выходные тельавивцы бросились в Иерусалим - посмотреть на снег, поиграть в снежки. На всех дорогах чудовищные пробки. Я впервые видел снег в Иерусалиме - производит впечатление: заснеженные улицы, которые никто не убирает, сугробы на Яффо и Кинг Джордж, сломанные и поваленные деревья, парализованный общественный транспорт, машины в снежном плену. Сюрреалистические картины.

- Вы сами отвечаете на вопрос, почему упоминания снега в Библии нечасты. Когда в Иерусалиме случались снегопады, люди сидели дома и ничего заслуживающего внимания не происходило. Войны зимой не велись: дождь, снег, стужа, разбитые дороги, проблемы с продовольствием...

- В Чечне зимой боевые действия затихают.

- Вот и в наших горах то же самое. Поход Трифона - исключение. Лет двести пятьдесят назад снега в Иерусалиме было столько, что люди не могли добраться до синагог. Почти нигде не было миньяна. Самое невероятное, что это произошло на Шавуот. Но это все-таки один раз за всю историю.

- В Талмуде снег упоминается?

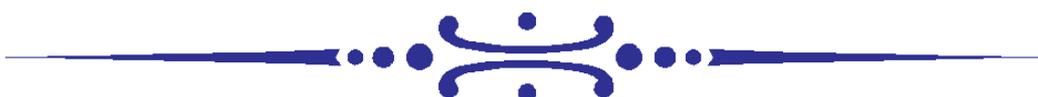
- В Мишне есть пассаж, посвященный различению оттенков белого цвета: белый, как снег; белый, как овечья шерсть; белый, как яичная скорлупа; белый, как известковая побелка.

- Надо полагать, мудрецы обсуждали не искусствоведческую проблему?

- Медицинскую. Речь шла о цвете пораженного проказой участка кожи.

- Меня это давно занимало: снег как метафора чистоты и святости и в то же время ужасной болезни.

- Святость и болезнь - вне эстетических категорий. Красота и добро совершенно не обязательно пересекаются и редко когда совпадают. У ивритского слова «тов» (хороший) есть разные проекции: эстетическая, этическая, прагматическая. Чтобы понять, что имеется в виду, когда говорят «бахура това» (хорошая девушка), надо знать контекст. Раввин, плейбой и администратор ателье имеют в виду разные вещи.

Две жизни, две смерти Исаака Иткинда

Эдуард Тополь

В 1967 году в подмосковном Доме творчества кинематографистов «Болшево» молодой режиссер-документалист из Казахстана Арарат Машанов показывал столичным мэтрам кинематографа свой 20-минутный документальный фильм «Прикосновение к вечности» - о знаменитом в тридцатые годы скульпторе Исааке Иткинде, пережившем свою официальную смерть.

На экране коренастый, полутораметрового роста, 96-летний, с огромной седой бородой старичок, похожий на Саваофа или рождественского гнома, деловито рассказывал среди огромных деревянных и гипсовых скульптур, работал по ним резцом, и глаза его блестели живым, молодым озорством. А диктор рассказывал в это время, что Исаак Иткинд был в тридцатые годы знаменит вровень с Шагалом, Эрзеем и Коненковым и что скульптуры Иткинда стоят в музеях Франции, Западной Германии, США и... в кладовых-запасниках Русского музея в Ленинграде и Пушкинского музея в Москве.

При этом кинокамера переключалась в музейный запасник, и тут возникла самая впечатляющая деталь этого фильма. Мы увидели двухметровую деревянную скульптуру Александра Пушкина - это был юный, тонкий, стройный, вдохновенный и, я бы сказал, сияющий Саша Пушкин на взлете своего гения. Вся скульптура была - порыв, свежесть, жизнь, поэзия. А ниже, на постаменте, камера на секунду остановилась на короткой надписи: «Скульптор Исаак Иткинд. 1871-1938». И - все. Диктор не сказал ни слова. Камера мягко ушла с этой надписи и снова показала нам жизнь Иткинда в Алма-Ате, но дальше уже весь фильм был освещен для нас смыслом этой короткой надписи: для всех музеев мира жизнь гениального скульптора Исаака Иткинда оборвалась в сталинских лагерях в 1938 году.

Спустя несколько месяцев я оказался в Алма-Ате в журналистской командировке. Красивый, как Вена, «город яблок» расположен неподалеку от китайской границы и окружен снежными пирами Памирских гор. Половина населения - казахи, вторая половина - русские, и огромное количество смешанных браков, от этого смещения на улицах полным-полно удивительно красивых девушек - с белой кожей и чуть раскосыми черными глазами...

В Союзе казахских художников мне сказали, что Иткинд болен, простужен и живет у черта на рогах - на окраине Алма-Аты в квартире без телефона. Но, глянув на мои «корочки» «Комсомольской правды», молоденькая секретарша Союза Ноденка согласилась отвезти меня к нему. И вот уже такси катит в заснеженные алма-атинские «Черемушки» - жилой массив из шестизэтажных блочных «хрущоб», наспех построенных в эпоху борьбы Хрущева с катастрофическим жилищным кризисом в СССР. По дороге Надя рассказывает мне об Иткинде.

В 1944 году по Алма-Ате стали ходить слухи о каком-то полудиком старике - не то гноме, не то колдуне, - который живет на окраине города, в земле, питается корнями, собирает лесные пни и из этих пней делает удивительные фигуры. Дети, которые в это военное время безнадзорно шныряли по пустырям и городским пригородам, рассказывали, что эти деревянные фигуры по-настоящему плачут и по-настоящему смеются...

Слухи эти через какое-то время стали такими упорными, что руководители Казахского художественного фонда решили посмотреть на эти «живые фигуры из пней». Несколько известных казахских художников, в том числе художник Николай Мухин, поехали на окраину Алма-Аты, на Головной Арык. Сейчас эта улица стала проспектом Абая, а тогда здесь пасся скот.

Художники долго бродили по пустырю и, наконец, увидели то, что искали. В глиняном холме было сделано какое-то подобие землянки, узкий, как кротовый, лаз вел в глубину норы. Возле этого лаза валялись пни и куски дерева, еще только тронутые резцом деревообработчика. Но художники - люди профессиональные - уже по этим первым наметкам поняли, что сейчас перед ними откроется нечто незаурядное.

Они подошли к лазу, ведущему в глубину землянки. Оттуда доносилось легкое постукивание молотка по резцу. Кто-то из художников нагнулся, крикнул в нору: «Эй!» Маленький, седой, 73-летний старик выполз из землянки. Он плохо слышал и ужасно неграмотно говорил по-русски - у него был чудовищный еврейский акцент. Но когда он назвал художникам свою фамилию, они вздрогнули.

Перед ними стоял Исаак Иткинд - скульптор, который еще 8-10 лет назад был в СССР так же знаменит, как сегодня во Франции знамениты Марк Шагал и Пикассо. О нем писали тогда чуть ли не все газеты, с ним дружили знаменитые писатели и режиссеры - Максим Горький, Владимир Маяковский, Сергей Есенин, Всеволод Мейерхольд, Василий Качалов, его опекали столпы советской власти - нарком просвещения Анатолий Луначарский и первый секретарь Ленинградского обкома партии Сергей Киров. А выставки его скульптур были событием в культурной жизни довоенной России.

Теперь этот Иткинд, чье имя стало для них хрестоматийным еще в их студенческие годы, жил в какой-то кротовьей норе, голодал, питался корнями и подаянием и... создавал скульптуры.

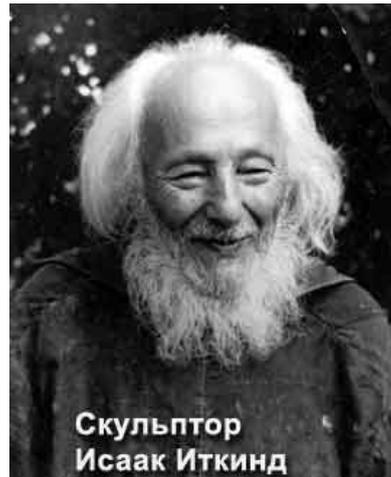
- Почему? Как вы здесь оказались? - спросили художники.

- Меня арестовали в 37-м году и сослали сначала в Сибирь, потом сюда, в Казахстан. Теперь меня выпустили из лагеря, потому что я для них уже очень старый. Но выпустили без права возвращения в Москву. Они сказали, что мне дали пожизненную ссылку...

- За что вас посадили?

- За то, что я враг народа, японский шпион. Я продал Японии секреты Балтийского военного флота, - ответил Иткинд и спросил с непередаваемой еврейской интонацией: - Ви можете в это поверить?

Конечно, они не могли поверить в то, что этот всемирно знаменитый скульптор, этот маленький гениальный гном с чудовищным еврейским акцентом - японский шпион и что он хоть что-

то смыслит в военных секретах Балтийского флота. Но в 1944 году в СССР к людям, объявленным сталинским режимом «врагами народа», относились как к проклятым. Поэтому в жизни ссыльного «врага народа» и «японского шпиона» Исаака Иткинда ничего не изменилось. Разве что один из посетивших его тогда художников - Николай Мухин - осмелился все же влезть в его нору и вытащить из землянки большую деревянную скульптуру.

Это был эскиз «Смеющегося старика» - скульптуры, которая через два десятка лет станет одной из самых знаменитых работ Иткинда.

- Мы заберем ее в музей нашего Фонда, можно? - сказали художники Иткинду. Иткинд разрешил, они погрузили скульптуру в машину и увезли, чувствуя себя почти героями - ведь они взяли в музей скульптуру у «врага народа»!

«Иткинд стоял у входа в землянку и махал нам вслед рукой», - рассказывал впоследствии Николай Мухин. Он прожил в этой землянке еще двенадцать - вы слышите: двенадцать! - лет. Лишь изредка и тайком навещал его Николай Мухин, снабжал кой-какими деньгами...

Затем была смерть Сталина, XX съезд партии, реабилитация миллионов «врагов народа». Иткинда к тому времени снова забыли напрочь. Да и кто станет годами заботиться о сосланном старике, когда вокруг такое творится - послевоенная разруха, затем новая волна арестов 1948 года. Даже только за общение с ссыльным «врагом народа» могли дать десять лет лагерей...

Как он жил эти годы, чем, и жил ли он вообще - этого никто не знал и не интересовался... Поэтому, когда зимой 1956 года в Алма-Атинский государственный театр пришел бездомный, маленький 85-летний старик, никто не опознал в нем знаменитого скульптора Иткинда. В том, 1956 году, таких оборванных стариков, только что выпущенных из сибирских и казахских лагерей, были сотни тысяч. Часть из них рвалась из Сибири в свои родные города, в европейскую часть России, в Москву, в Ленинград, в Киев - к детям, к женам, к родственникам. Но еще десятки тысяч уже нигде не спешили: у них не осталось в живых никого из родных, их забыли, бросили или предали в свое время их жены и дети... Такие бродили вокруг бывших мест своего заключения или ссылки и искали тут работу. И все они, по их словам, были до ареста знамениты.

В Алма-Ате их было в тот, 1956 год наводнение. Из карагандинских шахт, из медных рудников Джезказгана, из лагерей Актюбинска...

Маленький, бездомный, похожий на гнома старик упорно директор Алма-Атинского театра взять его на работу рисовать декорации и размалевывать задники. Он сказал, что теперь, когда с него сняли звание «врага народа» и запрет жить в больших городах, он все равно не поедет в Москву или Ленинград - не к кому. А здесь, в Казахстане, он уже привык, обжился. И директор театра принял его на должность маляра с окладом 60 рублей в месяц и даже предоставил ему «жилые» - топчан под театральной лестницей, где обычно грелась у печки театральная вахтерша Соня Ефимовна...

Два года старик лазил по театральным стремянкам, размалевывал задники и декорации для спектаклей по эскизам местного художника. А в свободное от работы время бродил по окрестностям Алма-Аты и на попутных грузовиках и самосвалах приволакивал в театральный подвал огромные пни и коряги. Вскоре все алма-атинские водители грузовиков знали, что в городском театре есть какой-то старый чужак, который за деревянную корягу или пень дает три рубля на бутылку водки. Само собой, пни и коряги стали прибывать в театр чуть не со всего Казахстана.

И по ночам Исаак Иткинд, вооружившись резцом, молотком и стамеской, спускался в подвал и принимался за работу. Никто не мешал ему, никто, кроме вахтерши театра Соны Ефимовны, не слышал стука его молотка по резцу. И только через два года молодой художник театра заглянул в подвал и ахнул: здесь стояли два десятка уникальных деревянных скульптур, сделанных наверняка крупным, если не великим мастером.

Художник спросил у старика, как его фамилия, и вспомнил, что слышал эту фамилию в художественном институте на лекциях по истории советского изобразительного искусства. Конечно! Это же была знаменитая в тридцатые годы тройка скульпторов по дереву - Коненков, Эрзя и Иткинд. Коненков жив, он стал академиком, Эрзя умер, а Иткинд...

Так в Казахстане «опять» нашли Исаака Иткинда.

Молодые художники Алма-Аты потянулись в театральный подвал поглядеть на воскресшую из мертвых потянувшись. Молодой и деятельный казахский поэт Олжас Сулейменов и еще несколько известных писателей и художников стали хлопотать, чтобы старика приняли в Союз художников, а затем... затем к Иткинду пришла слава. Правда, слава местного, казахского, масштаба.

То было время освоения целинных земель. Хрущев объявил, что через двадцать лет СССР догонит и перегонит Америку по производству зерна, молока и мяса на душу населения. Особую роль в этой гонке он отдал освоению диких целинных земель Казахстана, куда были брошены несколько миллионов молодых рабочих и миллиарды рублей. По замыслу Хрущева целинные земли Казахстана должны были накормить Россию хлебом. И поэтому здесь как грибы стали расти новые города и поселки - Целиноград, Павлодар, Семипалатинск.

Хручев не купился на деньги для этих городов, в них возникали даже свои музеи и художественные галереи. Составителями коллекций и выставок для этих музеев были молодые искусствоведы, выпускники Московского и Ленинградского художественных институтов. Они-то, узнав о воскресшем Иткинде, и скупали у него скульптуры для своих музеев. Затем Иткинда приняли в Союз художников Казахстана, он получил премию ЦК Ленинского комсомола Казахской республики и - даже! - двухкомнатную квартиру на окраине Алма-Аты.

Конечно, эта борьба казахской молодой интеллигенции за Иткинда имела свой подтекст. Мол, русские в Москве погубили великого скульптора, а мы, казахи, спасаем его для истории! И они действительно его спасали, они его буквально вытащили из-под черной лестницы, наградили премией и переселили в человеческую квартиру. Более того, они добились, что городской военный комиссариат разрешил Иткинду устроить мастерскую в подвале-бомбоубежище того дома, где он получил квартиру. И они сняли о нем фильм...

Тут мой гид Наденька прервала свой рассказ и сказала, что надо бы купить бутылку сладкого вина - Иткинду хотя и 96 лет, но рюмку сладкого вина он выпьет с удовольствием. И вообще, сказала Надя, старик любит, когда к нему приезжают с вином и молоденькими девушками.

- Два месяца назад, - продолжала она с улыбкой, - Иткинд попал в больницу с воспалением легких. Я приехала навестить его и стала помогать медсестре везти его на кровати из палаты в рентген-кабинет. У него была температура 39,2°, но - представьте себе! - когда он по дороге в коридоре больницы открыл глаза и увидел, что его кровать катят две молоденькие девушки, что-то зашевелилось под простыней - там, знаете, ниже живота...

Конечно, я остановил такси у магазина, купил бутылку вина, а потом мы еще минут двадцать ехали по заваленным снегом алма-атинским улицам...

Но вот мы у Иткинда. В холодной двухкомнатной квартире, на кровати у окна лежал совсем даже не седобородый Саваоф, а безбородый, с редкой седой шевелюрой старичок, очень похожий не то на беса, не то на домового с картины Врубеля «Пан». Это и был Иткинд. Его ворчливая и неряшливо одетая жена - та самая бывшая вахтера театра Софья Ефимовна, - недружелюбно косясь на молоденькую Наденьку, поставила чай...

Но Иткинд, увидев Наденьку, словно воспрял над постелью. Его глаза тут же засветились, помолодели, морщинки на круглом, как печеное яблоко, лице заиграли. Он взял Надю за руку, усадил возле себя на кровать и сказал ей все с тем же сильным, неизжитым еврейским акцентом:

- Вчера мне привезли прекрасное дерево! Ой, какое дерево! Ой! Идем, я покажу, оно на улице под снегом. Если ты будешь мне позировать, я сделаю из него скульптуру «Весна»! Идем! Идем!

И несмотря на наши протесты, встал, надел ватник и брюки, сунул ноги в валенки и повел нас во двор. Там он буквально с вождением ходил по снегу вокруг толстенной пятиметровой деревянной коряги, приговаривая:

- Ви видите? Нет, ви только посмотрите, какое замечательное дерево! Ой, какое дерево! Надя, ты будешь мне позировать? Это будет «Весна», настоящая! Ой, какую я сделаю «Весну»! Ой, какую!

Затем он повел нас в подвал-бомбоубежище, и я увидел здесь метровую, из гипса, голову Максима Горького: тридцатилетнего, из дерева, Александра Пушкина, десяток разнокалиберных деревянных девичьих торсов с единым названием «Весна» - воздушных, словно летящих, и... почти метровую, из гипса, голову Ленина.

Тут я не удержался, спросил:

- Вы лепите Ленина?! Вы?! После того, что почти тридцать лет отсидели?

- Да, - сказал он. - Но у меня еще не получается так, как я хочу...

И я стал приезжать к Исааку Иткинду каждый вечер, не забывая прихватить с собой бутылку сладкого вина, а также Надю или какую-нибудь другую молоденькую девушку. Пригубив вино и остро, молодо поглядывая на смазливую гостью, Иткинд охотно и подробно рассказывал мне свою жизнь, и я записывал, понимая, что записываю уникальный роман, достойный пера Лиона Фейхтвангера или Стефана Цвейга.

...Исаак Иткинд родился 9 апреля 1871 года в хасидском местечке Сморгонь Виленской губернии. Его отец Яков был хасидским раввином, и Исаак, конечно, пошел по стопам отца - разве могло быть иначе в семье наследственных хасидских раввинов? Он окончил ешиву, стал, как и отец, раввином, но, когда ему исполнилось 26 лет, ему в руки случайно попалась книга о знаменитом в то время скульпторе М. Антокольском. В этой книге были иллюстрации, и среди них - фотографии известных горельефов Антокольского «Портной» и «Вечерний труд старика». Иткинд тут же узнал в этих стариках своих местечковых знакомых - точно такой же портной был у них в Сморгони, и точно так же другой старик, высунувшись в окно, шурился при вечернем свете, чтобы в лучах закатного солнца продеть нитку в иголку...

Эта книга, которую он читал по слогам, поскольку она была издана на русском, не давала покоя Исааку. Оказалось, что знаменитый Антокольский, который потрясал зрителей такими мощными скульптурами, как «Иван Грозный», «Спиноза» и «Христос перед судом», это самый Антокольский - тоже еврей, больше того, земляк Иткинда, из Вилено. Молодой раввин не находил себе места...

А в это время в местечке завершалась очередная маленькая местечковая драма: местный богач Пиня, владелец скобяного магазина, выдал наконец замуж свою единственную дочь горбунью Броню.

- О, это была очень длинная история, - рассказывал Иткинд. - Никто не хотел жениться на Бронне - такая она была уродка. Она была меньше меня ростом и горбунья, вы можете себе представить. Пиня давал за нее очень большое приданое, но даже приказчики в магазине Пини, которые могли за грош продать черту душу, и те отказывались от Бро-

ни. Но был у нас в Сморгони грузчик Хацель. Богатый, как говорят русские. Он поднимал два куля с мукой. Бревно в десять пудов взваливал на плечо и один тащил куда надо. Но - шлимазл. Вы знаете, что такое шлимазл? Дети кричали ему на улице: «Хацель! Я тебе дам две копейки! Сделай коня!» И Хацель, который зарабатывал в два раза больше других грузчиков, становился на четвереньки, дети залезали ему на спину, и он катал их по местечку, как конь. Не из-за денег. А потому что никому не мог отказать. Он был больше, чем добрый, он был шлимазл. И вот когда все местечковые женихи отказались от Брони, ее отец Пиня пришел к Хацелю. И Хацель не отказал Пине. И была свадьба. И молодые шли по местечку -огромный, в два метра ростом, Хацель и маленькая горбунья Броня. Я видел, как они шли по улице. Я не знал, смеяться мне или плакать. Я сидел и ни о чем не думал. Просто млял в руках глину и опомнился только тогда, когда на столе передо мной оказались фигурки этих молодых - Хацеля и Брони.

После этого я совсем потерял голову. Я бросил синагогу и уехал в Вилено. Я хотел учиться на скульптора, но нашел себе только работу ученика переплетчика. Через два года я вернулся в наше местечко, но наши хасиды уже считали меня почти гоем - ведь я бросил религию, я потерял Бога. Больше того, я лепил из глины людей, а это запрещено еврейской религией, никто не имеет права делать то, что делал Бог... Вы не устали?

- Нет, мы не устали, мы слушаем...

- Все-таки давайте выпьем еще по рюмочке... Красовица, вы будете мне позировать?..

Хасиды Сморгони считали его отщепенцем, изгоем. Старики плевались, проходя мимо его дома. Но однажды к ним в дом вошел их местный писатель Перец Гириштейн. Он молча осмотрел скульптуры Иткинда и ушел. А через несколько дней в газете появилась статья Гириштейна. Он писал о том, что в Сморгони живет самородок, который создаст шедевры.

И те самые хасиды, которые оплевывали калитку дома Иткиндов, послали по местечку выборного. Выборный ходил из дома в дом, показывая неграмотным ремесленникам газету со статьей об Иткинде и собирал деньги, чтобы «этот шлимазл Исаак» мог поехать учиться «на настоящего скульптора». И он уехал - сначала в Вилено, в Виленское художественное училище, а потом в Москву.

- Евреям тогда было запрещено жить в больших городах, тем более в Москве, - рассказывал Иткинд. - Только молодые еврейки, если они зарегистрировались в жандармерии как проститутки и получали «желтый билет», могли жить в Москве. И поэтому тогда было много молодых еврейских девушек, которые формально регистрировались как проститутки, а сами шли учиться в институт или устраивались на работу.

Но каждые полгода им нужно было проходить перерегистрацию в жандармерии. И тогда они съезжали с одной квартиры, находили себе комнату в другом районе Москвы и шли в другой полицейский участок, как будто они только что приехали и хотят стать проститутками. Вот у этих девушек я и жил - то у одной, то у другой - и пошел сдавать экзамен в Московское художественное училище живописи, ваяния и зодчества.

Известный профессор, скульптор-монументалист Сергей Волнухин, чьи работы до сих пор украшают Москву и Питер (например, памятник русскому первопечатнику Ивану Федорову в самом центре Москвы, у Кремля), дал Иткинду экзаменационное задание - изваять скульптуру женщины. Никогда до этого Иткинд не видел голую натурщицу: откуда им взяться в Сморгони? Но молодой раввин преодолел и это «препятствие». Два месяца он жил, где попало, скрываясь от полиции, и через два месяца представил свою работу профессору.

- Волнухин ничего мне не сказал. Он вызвал фэзтон, погрузил мою скульптуру в этот фэзтон и повез ее к Максиму Горькому. Горький уже тогда был знаменитым писателем. И Горькому так понравилась моя работа, что он сел в этот же фэзтон, и они вдвоем с профессором поехали к московскому градоначальнику. Они просили этого градоначальника разрешить мне жить и учиться в Москве. «Еврей - талантливый художник?! Не может быть! - сказал им этот градоначальник. - Евреи могут быть талантливы в коммерции, это я понимаю. Но не в искусстве!» И он отказал самому Горькому, вы представляете? Но я остался в Москве - нелегально. Днем я работал слесарем, ночью лепил, и жил то здесь, то там, и скоро стал знаменитым, правда! Потому что Горький ходил везде и говорил: «Иткинд, Иткинд, Иткинд...» И он сделал меня знаменитым. Люди стали покупать мои работы, даже Савва Морозов купил мои работы! У меня были выставки, меня приняли в Союз художников. А потом была революция. Ой, как я обрадовался! Ведь теперь я мог свободно жить в Москве, без разрешения полиции - полиции уже не было! Правда, скоро начался голод. Ну и что? Все равно я очень много работал. Я сделал тогда свои лучшие вещи - «Мой отец», «Раввин», «Тоска», «Талмудист», «Цадики», «Еврейская мелодия», «Каббалиста»... Сорок две мои скульптуры были в 1918 году на моей персональной выставке в еврейском театре «Габимам».

Брат Теодора Рузвельта приезжал тогда в Россию, он был на моей выставке, а потом пришел в мою мастерскую и купил все работы, какие были в мастерской. Он звал меня в Америку, тогда было очень просто уехать в Америку. Он сказал, что в Америке я буду очень знаменитый, и буду зарабатывать миллионы. И вы знаете, что я ему ответил? Я сказал ему, что другие художники могут уехать в Америку, потому что они и при царе были в России людьми. А я при царе был человеком только до шести вечера, а после шести вечера меня мог арестовать любой полицейский. А сейчас, когда революция сделала меня человеком и после шести вечера, разве я могу уехать? Так я ему ответил... А голод? Что голод! Когда начался настоящий голод, Максим Горький выхлопал для меня у наркома Луначарского профессорский паек - талоны на сусеную воблу и хлеб. Правда, когда я пришел в Цекубу, там надо было заполнить какую-то анкету, а я не умел писать по-русски. Конечно, комиссар не мог поверить, что профессор не умеет писать по-русски. Они решили, что я жулик, и посадили меня под арест. Но потом им позвонил Луначарский, и меня освободили, и дали мне паек...

Окончание в следующем номере

На состоявшемся заседании Совета национальных общественных объединений при Главе Петрозаводского городского округа Председатель Региональной еврейской национально-культурной автономии Республики Карелия Дмитрий Цвибель познакомил присутствующих с проектом «Лица России», осуществленным Фондом возрождения традиций «Еврейский национальный фонд» (Директор Рафаил Файнберг) и Федеральной еврейской национально-культурной автономией (Президент Владимир Штернфельд) при поддержке Совета при Президенте Российской Федерации по международным отношениям (координатор проекта Екатерина Иванова). Поделившись впечатлениями о презентации альбома «Лица России», прошедшей в московском Государственном

российском доме народного творчества, Дмитрий Цвибель подчеркнул, что все герои проекта - представители разных этносов являются гражданами многонациональной России и гордятся этим, и под аплодисменты зала подарил альбом Галине Ширшиной, Главе Петрозаводского городского округа.

Под патронатом ДЖОЙНТА Петербургский институт иудаики провел в Петрозаводском благотворительном фонде «Хэсэд Агамим» двухдневный семинар по теме: «Уход за подопечными программы «Уход на дому». Семинар был предназначен для патронажных работников Хэсэда и включал такие темы, как «Понятия старости и старения», «Формирования образа «Успешной старости», «Работа с подопечными с последствиями инсульта», «Особенности ухода за подопечными с бронхиальной астмой, сахарным диабетом», «Профилактика эмоционального выгорания» и др. Провели семинар специалист из Москвы Юрий Ершов и Екатерина Базарова, старший преподаватель кафедры медицинской психологии Петрозаводского университета. Семинар прошел очень активно, с многочисленными вопросами, разбором конкретных примеров из практики патронажных работников, с непринужденными беседами во время кофе-пауз. Преподаватели отметили безупречную организацию семинара, теплую домашнюю атмосферу, поблагодарив за это координатора социальных программ Фаину Линскую и директора Хэсэда Дмитрия Генделева.

ХЭСЭД АГАМИМ

ПОЗДРАВЛЯЕТ С ЮБИЛЕЕМ

СЛУЦКУЮ Розалию Григорьевну
БЕЛОВА Юрия Израилевича
ВИНЕЦКУЮ Аму Иосифовну

МАЗЛ ТОВ И ДО СТА ДВАДЦАТИ!

Еврейская община поздравляет с юбилеем

БЕЛОВА ЮРИЯ ИЗРАИЛЕВИЧА

пожелать здоровья, бодрости

И ДО СТА ДВАДЦАТИ!

Еврейская община поздравляет с Днем рождения

ФИЛЬКОВСКУЮ БЕЙЛЮ ИОСИФОВНУ

пожелать здоровья, бодрости

И ДО СТА ДВАДЦАТИ!

**ЧИТАТЬ ПОЭЗИЮ В ПЕРЕВОДЕ -
КАК ЦЕЛОВАТЬ ЖЕНЩИНУ ЧЕРЕЗ ВУАЛЬ**

Х.Н.Бялик

Наша кухня

Мясной суп с картофелем и фрикадельками

Мясной бульон, картофель - 1 кг, мясо для фрикаделек - 0,5 кг, лук - 50 г, 3 дольки чеснока, 1 яйцо, соль по вкусу

Картофель очистить, промыть, мелко нарезать и положить в суп вместе с мясом. Мясо выбрать минут через 20-25. В фарш из полусырого мяса добавить мелко нарезанный лук, чеснок, соль, яйца, приготовить фрикадельки и опустить их в кипящий суп. Минут через 20 - суп готов.

Борщ из квашеной свеклы

3 кг свеклы заливают 5 литрами воды для того, чтобы получился очень вкусный рассол, который можно даже пить. В борщ можно добавить лавровый лист

Свеклу обмыть, снять кожуру и еще раз обмыть, уложить в стеклянную тару, залить кипяченой водой, накрыть салфеткой и оставить на несколько дней, пока не заквасится. Затем снять пену, разрезать свеклу, как для борща и варить ее в полученном рассоле, добавив мясо, соль и сахар по вкусу.

Мясной суп с цветной капустой

Мясо - 0,5 кг, цветная капуста - 0,5 кг, картофель - 300 г, 1 луковица, 1 морковь

Мясо отварить с тщательно промытой капустой, добавить морковь, лук, затем капусту измельчить, добавить мелко нарезанный картофель, варить до готовности.

Борщ на мясном бульоне

Свекла - 800 г, мясо - 800 г, 1 морковь, 1 яйцо, ревен и зеленый лук по вкусу

Свеклу очистить, помыть, залить холодной водой, прибавить мясо, морковь, ревен или лимонную кислоту, поставить на огонь. Когда свекла станет мягче, вынуть ее из борща, пропустить через мясорубку. Перед подачей заправить зеленым луком с мелко нарезанными крутыми яйцами.

Щавель на мясном бульоне

Мясо - 0,5 кг, щавель - 0,5 кг, 1 яйцо, сахар и зеленый лук по вкусу

Мясо отварить, щавель перебрать, тщательно промыть, сварить с мясом, затем мясо вынуть, щавель протереть через сито, снова прокипятить, добавить сахар по вкусу. Отварить яйцо, размельчить зеленый лук, заправить суп перед подачей.

Приятного аппетита!